

Марсель Габриэль Завтрашняя жертва filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Марсель Габриэль

Завтрашняя жертва

Пьеса в трех действиях. Написана в 1919 году

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ноэль Фрамон

Антуан, брат Ноэля

Моника, сестра Ноэля

Г-жа Фрамон, их мать

Жанна, жена Ноэля

Розина де Мюрсэ

Андре, Пьер, сыновья Ноэля и Жанны

Горничная

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Осень 1916 года. Провинциальный город. В доме мадам Фрамон. Четыре часа дня; лампа уже зажжена. Жанна перечитывает письма, сидя в углу у камина.

Моника(входя).Вы совсем одна?

Жанна.Да. Дети вышли погулять с дядей.

Моника.Они обожают Антуана.

Жанна.Это так понятно; ваш брат исключительно хорош с ними.

Моника.Антуан всегда любил детей. Помню, еще задолго до женитьбы... Если бы бедняжка Тереза оставила ему ребенка...

Жанна.Да, оказаться совсем одному... в тридцать девять лет. И он ничем не выдает, как ему тяжело.

Моника.Это верно. Он очень много берет на себя.

Жанна.И делает это так просто...

Моника.А ведь надо признать, что самое страшное в каком-то смысле случилось еще раньше.

Жанна.До смерти Терезы?

Моника.Да... конечно: когда он узнал, что она обречена.

Жанна.Вы думаете, у него не оставалось никакой надежды?

Моника.Никакой.

Жанна. Акак... она?

Моника.Увы! Бедная, милая девочка... Она надеялась до последней минуты. И вот... когда она поняла, что это – конец, последовал такой взрыв отчаяния, что я не в силах вспоминать об этом даже сейчас, четыре года спустя.

Жанна.Так она совсем не была к этому подготовлена?

Моника.Видите ли, Жанна, моя золовка не была набожной... Едва ли даже она была верующей. В этом – одна из причин, почему мама и я с трудом согласились на этот брак. Мы словно предчувствовали...

Жанна.Я не совсем это имела в виду.

Моника.Тогда я вас не понимаю.

Жанна.Это так ужасно – дать судьбе застигнуть тебя врасплох. Для меня подобная мысль нестерпима.

Моника.И все же, очевидно, лучше, что у Терезы оставались какие-то иллюзии. Иначе – вообразите себе, чем был бы для нее этот последний год...

Жанна.Я была едва знакома с вашей золовкой. Но знаю точно: сама мысль, что, будь я на ее месте, я могла бы так страшно обманываться на собственный счет, для меня невероятно унизительна. И потом... Но, повторяю, я не знала вашу золовку, так что сужу лишь по себе...

Моника.Вы остановились на полуслове.

Жанна....Я думаю о ней и о ее муже, об этом страшном умолчании между ними: он, который знал, и она – не подозревавшая ни о чем.

Моника.Она знала, что больна.

Жанна.Но она не знала, что обречена... Такая двусмысленность ее положения мне кажется ужасной. В конечном счете он обошелся с ней как с малым ребенком. (Молчание.)

Моника.Вы перечитывали... письма Ноэля?

Жанна.Да. Прежние письма.

Моника.И вы сжигали их?

Жанна.Да. Некоторые.

Моника(с волнением).Но почему?

Жанна.Чтобы не было искушения когда-нибудь вернуться к ним.

Моника.У меня не хватило бы на это мужества.

Жанна.Я их сжигаю, потому что знаю, что лишена мужества: иначе зачем было бы это делать?... (Помолчав.) Моника, Ноэль вам часто писал?

Моника.До вашего брака мы фактически не разлучались. Ну а потом... Вас не

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosofff.org
удивит, если я скажу, что Ноэль был для нас с мамой весьма посредственным корреспондентом. Его письма с фронта...

Жанна. Не употребляйте это ужасное выражение: «письма с фронта» – поневоле представляешь себе публикации.

Моника. Почему вы спросили, часто ли мой брат писал нам?

Жанна. Меня интересует все, что связано с ним; я хотела бы увидеть письма, которые он адресовал своим друзьям, и переписать их.

Моника. И однако вы, не колеблясь, сжигаете некоторые из тех, что он писал вам самой... Должно быть, это какие-нибудь малозначащие записки?

Жанна. Так вы думаете, я уничтожаю их оттого, что не дорожу ими? Те, что я сжигаю – самые бесценные для меня, я не могу их перечитывать без того, чтобы... Как мало вы меня знаете, Моника!

Моника. Но, Жанна...

Жанна. К тому же, увы, я их помню наизусть... (Моника удивленно смотрит на нее.)

Входит Антуан.

Жанна. Добрый день, Антуан. А где дети?

Антуан. Мы встретили мадам Летурнёр, она просила отпустить их пополдничать с Симоном и Адриенной. Мы договорились, что я зайду за ними.

Жанна (Антуану). Вы – идеальная бонна!

Антуан. Конечно... А знаете, в чем я убедился? У Андре – истинное призвание к музыке.

Жанна. Это уже что-то новое. Вчера вы то же самое утверждали относительно естествознания.

Антуан. Смейтесь сколько угодно. Но факт, что он узнал мотив военного марша, который в свое время напевал денщик Ноэля.

Жанна. Ну, в этом еще нет ничего необыкновенного. Подождем радоваться.

Антуан. Яв его возрасте не был способен на такое!

Моника. Отсюда еще ничего не следует. Ты и музыка имели между собой так мало общего.

Жанна. Это удивительно. Как подумаю о Ноэле... (повернувшись к Монике) или о вас...

Антуан. Особенно о ней.

Жанна (с живостью). Ноэль невероятно музыкален. Будь у него учителя получше, он бы многого достиг.

Антуан. Скажите, не слышно чего-либо нового об отпусках?

Жанна. Нет, ничего. И потом... Я уже не верю в эти увольнения.

Моника. Но отпуска возобновлены, Жанна.

Антуан. И Ноэль должен быть одним из первых.

Жанна. И снова уступит свою очередь, как в прошлый раз.

Антуан. Не думаю. Дважды такое не повторяют.

Моника. Мне иногда кажется, что Жанна почти боится этой побывки. Да и понятно: после нее жизнь начинает казаться ужасающе пустой, а пока существует перспектива...

Жанна (изменившимся голосом). Не говорите мне о перспективе, Моника. Есть лишь одна перспектива... Вы знаете, какая. По крайней мере для меня, пока длится весь этот ужас, не может быть другой. И даже когда все кончится – если это время еще застанет нас в живых, – даже когда они вернуться, страх не ослабеет. Этот медленно действующий отравляющий газ...

Антуан. Жанна, прошу вас... вы не имеете права так безоглядно предаваться отчаянию!

Жанна. Это не отчаяние, уверяю вас.

Антуан. Как же вы будете жить, если позволяете этой страшной мысли одолевать вас!

Моника. Жанна, вы знаете, что он прав...

Жанна. Вы не понимаете... вам кажется, что я поддаюсь каким-то кошмарным наваждениям. Это не так. Просто... я знаю, чего я не хочу, не допущу. И этого не будет.

Входит Г-жа Фрамон.

Г-жа Фрамон. Что-то случилось, Жанна?

Жанна. Ничего, мама.

Г-жа Фрамон. Мне кажется, вы не слишком благоразумны. Вы не выходите из дому – а надо бы пользоваться последними теплыми днями! Ноэль нас не похвалит за ваш вид. Не забывайте, что мы в ответе за вас с тех пор, как вы живете с нами.

Жанна. Не стоит говорить об этом, я чувствую себя хорошо.

Г-жа Фрамон. Да и любое занятие вне дома было бы для вас лучше, чем

Марсель Габриэль Завтраняя жертва filosoff.org
проводить все дни у камина. Сегодня утром прибыла большая колонна
тяжелораненых.

Моника. Откуда они? После Соммы?

Г-жа Фрамон. Думаю, что да. Почему бы вам не предложить свою помощь?
Помимо того, что вы были бы полезны...

Жанна. Нет, нет, не требуйте от меня этого... Они, наверное, с ранениями
лица?

Г-жа Фрамон. Да, с тех пор как у нас появился специалист, ученик
Морестена, к нам действительно присылают много таких раненых.

Жанна. Вот увечья, к которым я никак не могу привыкнуть...

Г-жа Фрамон. Вы правы, бывают ужасающие раны. Но вас могли бы
использовать в бельевой.

Жанна (резко). Не надо, прошу вас. Я не пойду... Когда будут служить
заупокойную мессу по убитым 422-го полка?

Моника. В воскресенье, в восемь, в церкви Сен-Клеман. Вы пойдете?

Жанна. Возможно.

Г-жа Фрамон. Это хорошо... Скажите, Жанна: ходят слухи – у меня не хватает
духа это повторить, – что отпуска как будто опять откладываются... Ну да ведь
столько чего говорят!

Жанна. Я только что сказала вашим: я уже не рассчитываю ни на что.
(Нервно стискивает руки.)

Г-жа Фрамон. Бедная моя... Слушай, Моника, я ведь зашла еще и вот по какому
поводу: нам надо в пять быть у Леони.

Моника. Да, верно. На обратном пути мы могли бы забрать детей от мадам
Летуэрнёр. Тогда Антуану не понадобится выходить.

Г-жа Фрамон (Антуану). Вот и хорошо. Сегодня такой туман. Сырой воздух
вреден тебе.

Выходит вместе с Моникой.

Антуан. Жанна, милая, вы надрываете мне душу... и я боюсь за вас.

Жанна. Не понимаю, почему.

Антуан. Эта растущая мания... Утром я смотрел на вас во время завтрака.
Если бы вы могли взглянуть на себя со стороны! Вы даете загипнотизировать
себя самым страшным призракам.

Жанна. Это не так. Вот только мысль, что Ноэль может вернуться
обезображенным, как этот несчастный, – ну, вы знаете, тот, что живет рядом,
на улице Винь-Руж... да, мне еще не удалось с ней свыкнуться. Я пытаюсь... но
пока еще не могу. Вероятно, потому что знаю, что все будет совсем иначе.

Антуан. Нет, друг мой, ведь вы ничего не знаете!.. Мне остается только
предположить, что вы имели безрассудство обратиться к какой-то
прорицательнице.

Жанна. Нет, клянусь вам, ничего подобного я не делала. Когда я говорю,
что знаю... я имею в виду нечто куда более простое... и ужасное.

Антуан. Что-то вроде интуиции?

Жанна. Если хотите. Я не нахожу подходящего слова. Скорее это
уверенность, овладевшая мной однажды – не могу сказать, в какой именно
день. Заверяю вас, ее источник – не во мне, она пришла откуда-то извне.

Антуан. Но это иллюзия, образ, ставший неотвязным только в силу ужаса,
который он вам внушает. Подобно головокружению при страхе высоты.
Вдумайтесь, Жанна: это именно головокружение. Страшно, потому что
притягивает... Это болезнь, и надо хотеть вылечиться от нее.

Жанна. Нет. И даже не будь у меня такой уверенности, достаточно самой
возможности несчастья, чтобы мысль о нем меня больше не покидала. Я так
устроена, Антуан. Видите ли... мне всегда казалось, что принимать в расчет
следует только худшее, именно потому, что оно – худшее.

Антуан. Я не понимаю вас. К тому же, вы ведь верующая.

Жанна. Мне случается сомневаться в этом... С самого детства я страшно
боялась неожиданностей, связанных с потусторонним миром; возможно, именно
этот терроризирующий страх и составляет основу моей религии. Вспоминаю
день, когда наш лицейский преподаватель говорил нам о пари Паскаля: и в
каких ребяческих выражениях, с какими «мудрыми» светскими комментариями!..
Я вернулась потрясенная; я не могла ни пить, ни есть...

Антуан. И все-таки прежде я не замечал в вас этой одержимости худшим.
Помнится, перед последним отъездом Ноэля...

Жанна. Верно, пока он болел, я безумно надеялась, что он уже не попадет
на фронт; но с тех пор, повторяю, у меня больше нет иллюзий. Ноэль не
вернется... Я не имею в виду увольнение, которым вы так стараетесь меня
отвлечь. Я не это зову возвращением; это – передышка, не более того.

Антуан. До чего же вы несправедливы по отношению к жизни! Вы не знаете
цену настоящему, каждому его мгновению.

Жанна. Да. Для меня мгновение – ничто. Не существует счастливых мгновений. Единственное счастье, которое я признаю, – это счастье, у которого есть будущее. Знать, что сейчас – только начало, что все еще впереди, что его будет все больше; вот это называется быть счастливым. Тот, кто познал такое счастье, не может довольствоваться крохами.

Антуан. Я не уверен, что вы правы. Видите ли, в былые дни... Жанна, я ведь вам не часто говорил о своем прошлом: оно – словно тяжкая ноша, которая мне почти не под силу... В те долгие мучительные месяцы, что мы провели с женой за городом, – вы не представляете себе, с какой благодарностью я принимал такие просветы: а это были просто дни, когда она не страдала. Обрести в мгновении бесконечность, ощущать его неповторимое дыхание, не думая ни о чем... Вряд ли в этом можно видеть лишь заурядное благоразумие, недальновидность ума...

Жанна. Как бы то ни было, для меня такое невозможно... О нет, быть вынужденной внушать себе: наслаждайся, радуйся, потому что завтра этого не будет, – значило бы чувствовать себя раздавленной безжалостной судьбой; нет, лучше презирать эти жалкие проблески, эти подачки... (Помолчав.) Я, кажется, причинила вам боль...

Антуан. Мне приходится ворошить самые тяжелые воспоминания. Если бы вы лучше знали Терезу... Вы ее видели уже больной. Но прежде, первые два года... эта молодость, эта щедрость в искусстве наслаждаться... самые неприметные мелочи способны были наполнить ее душу радостью: прогулка, обед за городом, цветы, купленные у зеленщицы, – ей этого хватало сполна; никаких тревог по поводу завтрашнего дня. Она была совершенно не похожа на тех детей, которые, выслушав сказку, забрасывают тебя вопросами: «А потом? Что потом?» Услышанным она удовлетворялась вполне.

Жанна. Так, по-вашему... это дар?

Антуан. Несомненно. Более того, быть может, это единственное, что не конечно в человеке.

Жанна (с горечью). Ваши слова не могут обмануть мое сердце... и ваше тоже. К тому же... я сильнее, чем вы думаете. Как выразилась на днях разносчица хлеба: я свою жертву принесла уже давно. Другие, чтобы испить чашу до дна, ждут полного краха, завершения трагедии. Я же предпочла, чтобы это было сделано еще при его жизни.

Антуан. Жанна!

Жанна. Да, я, кажется, привыкаю говорить о ноэле в прошедшем времени. Видите ли, я слишком живу воспоминаниями... В течение этих двух месяцев я делала все то, на что позже у меня скорее всего не хватит мужества. Разбирала письма... кое-что написала. Не смотрите на меня такими глазами, Антуан; под этим взглядом силы оставляют меня. Понимаете, я не скрываю от себя, что это будет ужасно. Про горе не знаешь, не лишит ли оно тебя рассудка. Надо действовать, пока ты еще на это способен. Приводить в порядок. Не только это (показывает на письма). И мысли тоже.

Появляется Розина.

Розина. Как поживаете, дорогая? Я не могла, проходя мимо вашего дома, не заглянуть на секундочку, чтобы справиться о вас и о капитане. От него что-нибудь есть?

Жанна. У мужа все в порядке, благодарю вас.

Розина. Вы скоро ждете его в отпуск?

Антуан. Брат может быть здесь с минуты на минуту.

Розина. Вот счастливец! Муж мне пишет, что на нем столько обязанностей, и чтобы его не ждали раньше чем через полтора месяца.

Антуан. Господин де Мюрсэ по-прежнему в штабе 171-го?

Розина. Да. Несчастные штабные! Подумать только, сколько злословят на их счет! Но, вы знаете, без них все бы остановилось. Конечно, я прекрасно понимаю, что мой муж рискует меньше, чем ваш, Жанна, – хотя не следует ничего преувеличивать. Он выходит на передовую чаще, чем от него требуется, чтобы ознакомиться с ситуацией на боевых участках. Слава богу, он осторожен. Но что меня положительно беспокоит, так это его бессонница. Представляете, три ночи подряд он вообще не сомкнул глаз! Что поделаешь... но, согласитесь, это ужасно.

Жанна. Безусловно.

Розина. Заметьте, я полностью отдаю себе отчет в том, что мое положение – не из худших. (Жанне.) Что и говорить, на вашем месте я сошла бы с ума! Но вы тем не менее – вы шикарно выглядите.

Жанна. Спасибо.

Розина. Когда он вернется, надо будет его пожурить. Отчего бы ему не... нет, я, конечно, не говорю – окопаться в тылу, но вот, между прочим, требуются офицеры для отправки в Румынию, в Россию. Я понимаю, возникнут большие трудности с перепиской. Но, в конце концов, это же совсем не то,

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosoff.org
что сидеть с утра до ночи в траншеях! Кругом одна грязь – подумать только! Еще Робер говорил мне в свой последний приезд: «Опасность – это ладно... но грязь!» Надобно сказать, что и для офицеров кавалерии все обстоит не лучшим образом. Мой молоденький кузен из Люрвиля – он из драгун – очутился в траншее на какой-то ферме... и вот результат: ребенок был – сплошной энтузиазм, огонь! – теперь с этим покончено... Понятно, нельзя всех под одну гребенку! Скажем, такой парень, как ваш муж; я ведь его знаю достаточно давно – вы, конечно, в курсе, что он был моим первым партнером по танцам, – и могу говорить с уверенностью: страшно подумать, что ему приходится воевать таким вот образом! Недаром на днях генерал Русселье сказал о нем: «Он по темпераменту настоящий кадровый офицер...»

Жанна. Это очень лестно.

Розина. Все словно нарочно делается для того, чтобы лишить их стойкости! Если так будет продолжаться и дальше, – нравственный дух в войсках продержится недолго. Отовсюду мне пишут...

Жанна. Но мне муж никогда не писал ничего подобного.

Розина. Он видит только свой боевой участок или вообще только свою роту. И при своей потрясающей храбрости выделяет все, что ему вздумается. Но помяните мое слово, если положение вещей не изменится – быть грандиозному скандалу. Генерал Русселье – а он, заметьте, не последний человек в армии – сказал, что ему абсолютно непонятно, что там, на Сомме, делается. Ведь очевидно, что можно было бы прорвать оборону десять раз, если б захотели.

Антуан. Так отчего же не хотят, как вы думаете, сударыня?

Розина. Да вечно та же история: политика, кругом политика! Вы же понимаете, в таком деле потери неизбежны; так что опасаются интерpellации, поднимется буча в Палате депутатов... Прискорбно – но это так! Куда мы идем? Впрочем, если вы обратили внимание, на днях монсеньер Бонанфан высказался совершенно недвусмысленно, упомянув о крови мучеников... Как любит говорить генерал Русселье, не разбив яиц, омлета не приготовишь!

Жанна. И часто вы видите генерала Русселье?

Розина. Вообразите себе, это поистине офицер старой закваски! Я без ума от таких людей; а как он восхитителен на коне! Как-нибудь я вам расскажу историю его отставки – это тоже нашумевший в свое время скандал... Вообще-то все было очень просто: к нему приклепали, прошу извинить за выражение, части территориальной армии, которые тут же начали отступать... вину, конечно же, возложили на него; и, представьте себе, был среди этих территориальных депутат, звали его то ли Турто, то ли Тортю... нет, как-то иначе, который при первом же пушечном выстреле заорал: «Мы угодили в г..., спасайся кто может!» И этот-то подлец, который, разумеется, на фронте не пробыл и недели, вернувшись в Палату, сразу же настроил донос на генерала. Нет, вы только подумайте! Когда слышишь такое... Я всегда была убежденной республиканкой, к тому же, вы ведь знаете, и мой папа был республиканец; но в конце концов начинаешь понимать королевских молодчиков. Депутаты все окопались в тылу... То, что происходит в штабах, – ужасно: разумеется, я говорю не о штабах пехотных дивизий и не о штабах передовой, – нет, о штабах армейских корпусов, армий! Робер утверждает, что их следовало бы всех послать на передовую пинком в... Робер, как известно, не стесняется в выражениях, и я считаю, что он абсолютно прав. Но я заболталась... Так вот, пожалуйста, не забудьте передать вашему мужу, чтобы он непременно зашел ко мне на чашечку чая. С вами, разумеется. И потом, скажите ему, что со времени отъезда он не написал мне даже открытки и что я считаю его вероломным другом. Ну, счастливо, до встречи! (Убегает.)

Жанна (миролюбивым тоном). Я полагаю, вам известно, что эта женщина была любовницей Ноэля до нашего брака.

Антуан. Что вы такое говорите...

Жанна. Не делайте вид, будто вы не в курсе этого приключения; не может быть, чтобы вам о нем не рассказывали. К тому же я ведь не склонна преувеличивать значение этого эпизода.

Антуан. Ноэль делал вам подобное признание?

Жанна. Во всяком случае, мне это ясно.

Антуан. Клянусь вам...

Жанна. Я пришла к такому убеждению в последнее время, перечитывая старые письма и припоминая некоторые забытые детали. И у меня нет полной уверенности, что окончательный разрыв между ними не произошел уже после того, как мы поженились, – а с этим мне было бы труднее примириться. Хотя, повторяю вам, Антуан, я не воспринимаю этот эпизод драматически.

Антуан. Но даже будь ваши предположения обоснованными...

Жанна (глядя ему в лицо). Так у вас нет причин согласиться с ними?

Антуан. Никаких.

Жанна. Хочу вам верить. Мы с Ноэлем действительно долго шли к взаимопониманию и, собственно, только после рождения Андре...

Антуан. Зачем вы все это мне рассказываете?

Жанна. Не знаю.. Не могу этого не делать. И потом, вы все-таки должны мне помочь лучше во всем разобраться, если можете.. Удивительно, есть определенный вид ревности, который долгое время после замужества оставался мне неведом. Выходя за Ноэля, я ни секунды не сомневалась в том, что до встречи со мной у него были женщины, но эта мысль меня несколько не волновала. Когда мы поженились, я испытывала странное чувство.. ну, вы помните, каким был в то время Ноэль: чувственный, грубоватый, полный жизни.. Я решила тогда, что мне удастся одухотворить эту натуру, и что прошлое не в счет. Возможно, оттого, что я наблюдала вблизи интимную жизнь моего брата, я не склонна была принимать многие развлечения слишком всерьез. Я думала: когда он полюбит меня по-настоящему, все будет иначе. Как видите, я была права. Но ревности Ноэля в течение этих лет невозможно усомниться.

Антуан. Но тогда зачем ворошить смутное прошлое?

Жанна. Я делаю это, потому что хочу понять.. Я хочу читать его жизнь, как свою собственную, вспоминать о ней, как о собственной.

Антуан(с иронией). И вы это называете упорядочением ваших мыслей?

Жанна. Возможно.. По крайней мере, когда падет ночь, когда между нами будет лишь вечное молчание, мне послужит сладостным утешением думать, что вся эта жизнь, полностью, без остатка, открыта мне, что в ней нет ни малейшей тени или тайны..

Антуан(с горячностью). Жанна, я вам скажу, что за этим стоит на самом деле. Для вас Ноэль – уже мертвец, не более.. даже не тот, кто ушел из жизни, но кого постоянно ощущаешь рядом, с кем продолжаешь общение – а отсутствующий «третий», о ком задаются вопросы, высказываются суждения.

Жанна. «Третий».. когда мое сердце полно им, когда у меня нет иного желания, кроме как слить с его душой свою! О! Как вы несправедливы.. Если бы вам довелось прочесть (указывает рукой на камин) эти уничтоженные огнем письма, может быть, вы бы скорее меня поняли и не позволили себе кощунства. (Она готова разрыдаться.)

Антуан. Простите..

Жанна. Нет, в вас нет ко мне жалости. Не притворяйтесь. И потом, моя ли вина, что я обладаю столь страшным преимуществом..

Антуан. Только что казалось, что вся ваша воля страстно устремлена на то, чтобы все предвидеть и приготовиться к худшему, – а сейчас вы говорите о каком-то фатальном свойстве вашей натуры.

Жанна. Воля и фатальность – это одно и то же. Антуан, что станется со мной, когда у меня не будет никого, кроме вас, – если вы меня не понимаете.. Очевидно, исток моего бесконечного доверия к вам – в вашей загубленной жизни. Те, кто все потерял, наделены особой способностью понимать, присущей только им. По крайней мере, мне так казалось. Видимо, я ошиблась – раз вы меня обвиняете.

Те же и Моника.

Моника. Жанна, я сейчас вернусь с детьми.

Жанна. Пойду взгляну, как они там. (Выходит.)

Моника вопросительно смотрит на брата.

Антуан(вполголоса). Жанна очень тревожит меня.

Моника. Вы все это время проговорили?..

Антуан. Наш разговор был прерван визитом Розины.

Моника. И что она рассказывала?

Антуан. Я не способен это передать. Вот уж действительно сорока..

Моника. Антуан, отчего Жанна рвет письма Ноэля? Какая жена могла бы так поступать? В какие-то минуты я убеждаюсь в правильности моих первых впечатлений о ней, восемь лет назад.. и меня мучает вопрос..

Антуан. Не продолжай. Ты ведь никогда не была справедлива к Жанне.

Моника. Она думает только о себе.

Антуан. Она страдает.

Моника. Эгоистически.

Антуан. Страдать – это уже немало. Посмотри вокруг – как легко многие ко всему относятся и как быстро утешаются.

Моника. Часто требуется хоть малая толика внимания к другим, а у нее этого нет совершенно. Внимание по отношению к маме, и даже – к Ноэлю. Ну, взять хотя бы какие-то мелочи, которыми его можно порадовать: ведь об этом всегда думаем только мы с мамой. Он просил вязаные фуфайки для своих людей – сделала она хоть что-нибудь?.. Даже ее отношение к детям оставляет желать лучшего. Она почти не занимается ими: за столом, глядишь, один оставляет еду на тарелке, другой ест неопрятно..

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosofff.org

Антуан.Моника, милая, это все мелочи. Чтобы понять Жанну, нужно представить себе тех несчастных, у которых все, вся их жизнь словно сконцентрировалась вокруг надвигающихся бед, тяжелых недугов.

Моника.Тебе кажется, что она больна?

Антуан.Есть нравственные недуги... Между телом и душой существует почти полная аналогия. С душой, которой не хватает пищи, может случиться что угодно.

Моника.Ты слишком терпелив, слишком добр, как всегда.

Антуан.С ней я только что разговаривал иначе, но думаю, что был не прав. Достаточно тебе начать ее обвинять, как я ощущаю прилив невероятной жалости к ней.

Моника.Не знаю, у меня ее рассуждения не вызывают сочувствия.

Антуан.Те, кто постоянно говорят о своих страданиях, – они, по-моему, и есть самые уязвимые.

Моника.Когда я страдаю, я не рассуждаю по этому поводу... Но верно, Жанна всегда была спорщицей. Помнишь, как в первые месяцы своего замужества она доводила до отчаяния нашего бедного папу. Очень хотелось бы знать, какова она с Ноэлем, когда они остаются наедине.

Антуан.До чего же ты, однако...

Моника.Нежна ли она с ним, по крайней мере? А ее письма... мне кажется, они такие короткие.

Антуан.Ну ладно, довольно.

Моника.Кстати, по-моему, ты и сам в глубине души не вполне ей доверяешь. Ты хотя бы поделился с ней своими планами?

Антуан.При чем здесь это?

Моника.Вы оставались одни, был такой удобный случай, и ты ничего не сказал!

Антуан.Подожди, я еще не принял окончательного решения.

Моника.Меня поражает, что ты все еще колеблешься. Девушка влюблена, это для тебя единственный шанс устроить заново свою жизнь.

Антуан.Бывают минуты, когда я чувствую себя таким старым...

Моника.Что за глупости!

Антуан.Мадемуазель Гребо – совсем дитя.

Моника.Вчера у тебя был вид человека, полностью решившегося; не понимаю, как можно быть таким непостоянным в своих намерениях.

Антуан.Что поделаешь...

Моника.Я поневоле задаюсь вопросом, не вызваны ли твои колебания разговором с Жанной...

Антуан.Но, повторяю, она ведь ничего не знает! Впрочем, признаюсь, что два-три слова, сказанных ею, смутили меня.

Моника.Вот видишь!

Антуан.Ей и в голову не приходит, что я могу думать об устройстве своей жизни заново.

Моника.Вечно – этот чудовищный эгоизм; говорю тебе, она думает только о себе.

Антуан.Нет, Моника, возможно, здесь совсем другое... И потом, она видит, что я нездоров, не годен к военной службе...

Моника.Брось. Ты мобилизован – здесь, в тылу, но мобилизован.

Антуан(продолжая свою мысль).И она, наверное, права. Когда проходишь через то, через что прошел я... Ведь вспомни: Тереза, чувствуя, что дни ее сочтены, ни словом не обмолвилась о том, что я свободен. Очевидно, мысль, что я мог бы жениться снова, была для нее невыносима...

Моника.Ты отлично знаешь, что у нее не было времени на подобные размышления.

Антуан.Я не хочу на этом спекулировать... Вдобавок, такая мысль не требует длительного вызревания.

Моника.Смотря у кого. И потом, даже если эта мысль была для нее тягостна, ничто не давало ей права сковывать тебя подобным образом.

Антуан.Как ты можешь говорить такое!

Моника.Достаточно вспомнить о твоём образе жизни после ее кончины... о твоём заточении! Разве ты не вправе желать вкусить хоть немного радостей?

Антуан.Слова из романа!..

Моника.А что, эта крошка, Элен, она тоже ни на что не имеет права?

Антуан.Она молода, ей понравятся другие... Во всяком случае я подожду с решением до конца войны.

Моника.Но ты с ума сошел. Кто знает, сколько еще продлится война!

Антуан.Ты боишься, как бы Элен Гребо не передумала? Ну что тут поделаешь (жест сожаления).

Моника.Что ты за странный человек! Но, конечно, если ты не дорожишь ею...

Антуан.Моника, если бы я не дорожил ею, как ты говоришь – вообще ни о чем бы речи не было... Ты же знаешь, ведь она гораздо богаче меня.

Моника.И дальше что?

Антуан.К тому же ее отец может захотеть, чтобы я взял на себя управление заводом в Жироманьи, где дела идут неважно, тогда как здесь господин Бейяр вполне обойдется без меня.

Моника.Все это отговорки.

Антуан.Нет, здесь я ему действительно не так нужен. Он без труда найдет другого управляющего. А вот если понадобится переезжать в Жироманьи...

Моника.Ты этого опасешься из-за мамы?

Антуан.Нет, Моника, это не из-за мамы... просто... если несчастье случится... и Ноэль не вернется... Моника, надо все предусмотреть. Подумай о бедной Жанне, о детях; ведь даже материально их положение будет очень шатким. Но это еще ничего, хотя не может не тревожить. Моника, согласись, она так будет нуждаться в душевной поддержке, помощи.

Моника.Полно, перестань, Антуан...

Антуан.У меня сердце разрывается при мысли, что около них не будет никого, кто бы...

Моника.Послушай, даже если предположить эту ужасную вещь, которую я и в мыслях не хочу допустить...

Антуан.Увы, ее нельзя исключить.

Моника....так рядом с ней будем мы.

Антуан.Да, конечно, мама, ты; но для нее... Будем откровенны, здесь потребуется некто вроде опекуна, и только я мог бы взять на себя эту роль. Но если я буду далеко... к тому же я чувствую, что, женившись, утрачу всякое влияние на Жанну. Одно из великих достоинств ее натуры – быть может, именно эта непреклонность.

Моника.И в этом же – один из ее бесчисленных недостатков. Послушай, Антуан, для меня невыносимо подобное опережение событий...

Антуан.Согласен с тобой, это невероятно мучительно...

Моника.Мы должны жить настоящим.

Антуан.Именно это я только что говорил Жанне; но не знаю, имеем ли мы право так жить.

Моника.Антуан, дорогой, твоя щепетильность, совестьливость погубят тебя. У тебя сейчас... был повод говорить с Жанной на эту тему?

Антуан(подчеркнуто серьезно).Жанна одержима мыслью, что Ноэль не вернется.

Г-жа Фрамон(входя).Как хорошо дома! Антуан, представь себе, я только что встретила господина Гребо. Мы немного поговорили; должна тебе сказать, он явно удивлен, что ты все еще не делаешь Элен предложения.

Антуан.Он тебе это сказал?

Г-жа Фрамон.Почти что. Я, разумеется, сделала вид, что не понимаю, о чем речь, но минуту спустя заметила, что ты наверняка на днях попросишь о встрече с ним.

Антуан.Послушай, мама... ты поступила довольно неосмотрительно. Я только что говорил Монике: мне необходимо сперва разобраться в себе самом.

Г-жа Фрамон.Не могу тебя понять. Столько времени!.. Моника, ты согласна со мной?

Моника.Абсолютно.

Г-жа Фрамон.Достаточно видеть вас вместе, чтобы не осталось сомнений относительно ваших взаимных чувств. Господин Гребо человек мнительный, недоверчивый; эти долгие колебания могут его задеть.

Моника.Я говорила Антуану то же самое.

Входит Жанна. У нее усталый вид.

Жанна.Как дети расшумелись! У меня раскалывается голова. Так всегда, после того как они побывают в гостях. Они очень возбуждаются...

Г-жа Фрамон.Я убеждена, что и Жанна согласится со мной.

Моника(вполголоса матери).Жанна не в курсе.

Г-жа Фрамон.Но ведь не может быть, чтобы она не замечала происходящего! Антуан(нервно).Мама, публичное обсуждение моих дел мне было бы крайне неприятно.

Г-жа Фрамон.Публичное! Жанна – не посторонняя.

Жанна.Что случилось?

Антуан.Да ничего, просто не можем прийти к единому мнению по поводу одного малосущественного вопроса.

Г-жа Фрамон.Ты это называешь малосущественным вопросом! В этом доме все теперь вверх дном. Жанна, дорогая, рассудите нас...

Антуан(с упреком).Мама!..

Г-жа Фрамон.Ухожу, ухожу. (Выходит, хлопнув дверью.)

Жанна.Что-то мать нервничает в последнее время.

Моника.Она так переживает из-за Ноэля!

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosofff.org

Жанна. И все-таки я не убеждена, что у нее достаточно четкое представление об опасностях, которым он подвергается. Вчера она мне сказала: «К счастью, Ноэль – офицер». Как будто капитан не рискует в десять раз больше, чем простой солдат!

Антуан. Это преувеличение...

Жанна. Он подает пример другим; и в атаке он... да достаточно посмотреть вокруг! (Помолчав.) Мне сейчас бросилось в глаза, что вы что-то стараетесь от меня скрыть. Впрочем, я нахожу совершенно естественным, что вы мне говорите не все... Только не нужно лжи во спасение. Особенно когда дело касается Ноэля... Для меня это невыносимо.

Моника. Уверю вас, Жанна, Ноэль здесь ни при чем; да и скрывать нечего. (Поворачивается к Антуану.) Верно ведь?

Антуан. Абсолютно нечего.

Жанна. Повторяю, я ни о чем не спрашиваю.

Моника. Позже вы будете удивлены, почему такая вещь держалась от вас в секрете.

Антуан (после паузы). Вы знаете мадемуазель Гребо?

Жанна. Элен Гребо?

Антуан. Да.

Моника. Мой брат и она почти помолвлены.

Антуан. Моника, ты ведь знаешь, что это не так.

Моника. Напомнить тебе, что ты мне говорил вчера вечером?

Жанна. По-моему, девушка очаровательна; сейчас я припоминаю, что у меня создалось очень отчетливое впечатление, что вы ей нравитесь.

Антуан. Более чем вероятно, что этот брак не состоится.

Жанна. Но почему вы мне об этом не сказали, если не далее как вчера...

Моника. Вы не всегда бываете настроены благожелательно; возможно, Антуан опасался вашего слишком сурового суждения.

Жанна. Неужели я так нетерпима? (Молчание.)

Г-жа Фрамон (зовет за дверью). Моника! Мне нужно кое-что тебе сказать. Тебе одной.

Моника. Эти сцены маме действительно ни к чему, надо стараться их избегать. (Выходит.)

Жанна и Антуан долго молчат; наконец Жанна решает прервать неловкую паузу.

Жанна. Однако же не было нужды вызывать меня на разговор о вашей загубленной жизни. (Растерянный жест Антуана.) Зачем же сейчас колебаться? По-моему, самая разумная партия. К тому же, этого страстно хочется вашей матери.

Антуан. Аргумент не самый убедительный.

Жанна. Вы любите эту девушку?

Антуан. Да.

Жанна. Так в чем же дело? (Молчание.) Я не понимаю.

Антуан. Вы действительно не понимаете?

Жанна. Уверю вас.

Антуан. Жанна, но если болезнь, разрушающая вас... что, если она заразна?

Снова воцаряется тягостное молчание. Оба погружены в свои мысли. Слышен шум подъехавшего автомобиля, затем – детский крик: «Папа! Это папа!»

Жанна. Как!.. Но это... (идет к двери и падает на руки Ноэля, входящего в сопровождении детей). Мой дорогой... Ты!.. (Слезы душат ее.)

Ноэль. Любовь моя!

Жанна. Это... это выше моих сил... (Не может продолжать.)

Ноэль (Антуану). Здорово, старина.

В эту минуту входят Г-жа Фрамон и Моника; шум, гул голосов.

Ноэль. Я узнал об этом в последний момент.

Моника. Мы бы встретили тебя на вокзале!

Г-жа Фрамон. Ты ел что-нибудь?

Ноэль. Успокойся, ел до отвала!

Г-жа Фрамон. Правда, мы сейчас будем обедать.

Моника. Ну, не совсем сейчас.

Ноэль (указывая на маленького Пьера). Этот – знаешь, я бы его не узнал! А ты – ну-ка покажись... (Усаживает Андре к себе на колени.)

Андре (показывая на военный крест на груди у отца). Папа, что это?

Моника. Как!..

Г-жа Фрамон. Жанна, посмотрите! У него – орден!

Моника. Отчего же ты скрыл от нас?..

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosofff.org

Ноэль. Думал позабавить вас таким сюрпризом.

Моника. Замечательно! А текст приказа? Ну, ты нам потом зачитаешь.

Андре. Папа, у меня тоже есть боевой крест! Я сбегаю за ним.

Г-жа Фрамон. После, после. Ну, расскажи же немного! Когда ты выехал?

Антуан. Прежде всего, где вы располагались?

Моника. Что за странное обыкновение – никогда не сообщать, где ты находишься. Никто так не делает!

Антуан. Но он совершенно прав.

Ноэль. Мы были в резерве во Фрамервиле.

Моника (торжествующе). Вот видите! Я всегда говорила, что они не на передовой.

Жанна. Я и не спорила.

Моника. Давно вы там?

Ноэль. Дней пятнадцать. До этого мы были в другом месте – в Розьер.

Антуан. И что ты думаешь о Сомме, каково там положение?

Ноэль. Я знаю об этом не больше вашего. Если верить тем, кто выходит из траншей, я бы сказал, что дела идут плохо. Но что они там видят? (Пьеру.) А ну-ка, перестань обшаривать мои карманы!

Моника. Тебе известно, что с вами дальше собираются делать?

Ноэль. Не имею ни малейшего представления: на войне ведь живешь сегодняшним днем. В настоящий момент мы вполне прилично расквартированы; я ночую в постели доброй старой женщины, она мне как мать.

Г-жа Фрамон. Что же она делает, бог мой?

Ноэль. Она мне готовит лакомства, буквально закармливает. Да это видно по мне!

Моника. Правда, ты хорошо выглядишь.

Ноэль. То есть я никогда не был в такой отменной форме.

Г-жа Фрамон. Вы не согласны, Жанна?

Жанна (неподвижная, с потерянным видом). Да, наверное...

Ноэль. Я взвесился на вокзале д'Орсэ: за два месяца прибавил четыре кило! Пожалуй, даже, за этим надо будет последить.

Андре. Папа, я тебе покажу свой ареоплан.

Г-жа Фрамон. Аэроплан. Потом, попозже.

Андре. Нет, сейчас!

Г-жа Фрамон (делает большие глаза). Андре, что это значит? Если бабушка говорит!..

Моника. Детям пора обедать.

Андре. Папа, ты еще придешь проведать нас вечером?

Ноэль. Конечно, конечно.

Взяв детей за руки, Моника уводит их из комнаты.

Г-жа Фрамон. А говорили, что отпуска снова откладываются на неопределенное время.

Ноэль. Их еще только возобновляют!

Г-жа Фрамон. Да, верно. Знаешь, у Тайяндье – новости. Люсиль разводится.

Ноэль. Ну, подумай.

Г-жа Фрамон. И, конечно, все вокруг шокированы: он производил совсем другое впечатление!

Антуан. Послушай, мама, оставим Ноэля и Жанну вдвоем... К тому же, Ноэль, ты, наверное, хотел бы немного привести себя в порядок к обеду.

Г-жа Фрамон. К сожалению, о ванне не может быть и речи; колонка неисправна.

Ноэль. Я поднимусь через минутку. Но полный туалет я совершил в поезде перед прибытием.

Антуан. Пойдем, оставим их. (Уходит с матерью.)

Ноэль. Так как?.. (Жанна идет к мужу, останавливается, берет его руки в свои, смотрит на него.) Ты не говоришь ни слова.

Жанна (еле слышно). Я не в силах.

Ноэль. Ты еще не пришла в себя: все было слишком внезапно! Я телеграфировал из Крея, – но я знал, что депеша запоздает.

Жанна. Не говори ничего. Побудь возле меня, вот так...

Ноэль. Бедное мое сокровище, мне кажется, ты выглядишь не блестяще, – тебе это известно?

Жанна. Уверяю тебя, я прекрасно себя чувствую.

Ноэль. Я видел по твоим письмам, что не все в порядке. Пустячные письма, ни о чем.

Жанна. Не надо на меня сердиться.

Ноэль. Никаких подробностей. Только о детях: несварение у Андре, вспышки раздражительности у Пьера; ты знаешь, этого мало! О себе – ни слова.

Жанна. Не о чем было.

Ноэль. Я даже начал думать, не скрываешь ли ты чего-нибудь... может быть, заболевания.

Жанна. Нет.

Ноэль. Там, у нас, письма – это почти все.

Жанна. Прости.

Ноэль. Однако это вовсе не значит, что все это время мы терпели лишения.

Жанна (изменившимся голосом). Ты едва не погиб двадцать шестого...

Ноэль. Я?..

Жанна. Нет смысла обманывать. Котье мне все рассказал.

Ноэль. Что за осел! Я ему дам такую взбучку...

Жанна. Но я предпочитаю знать.

Ноэль. А я хочу иметь возможность говорить только то, что считаю нужным.

Жанна. Как же ты хочешь, чтобы я верила тебе после этого?

Ноэль. Но ты же видишь, голубка моя, вот я опять выпутался, и то же будет и в следующий раз! А пока – я полон решимости (понижает голос) сделать очаровательную сестренку нашим мальчуганам. Когда я сказал тебе, что я в форме... (шепчет ей на ухо).

Жанна (отпрянув). Нет, нет... я не хочу, я больше не могу!.. (Бурно рыдает.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На следующее утро. Там же. Ноэль сидит, погруженный в свои мысли. Входит Г-жа Фрамон.

Г-жа Фрамон. Ты завтракал?

Ноэль (нервно). Да.

Г-жа Фрамон. Никак не думала, что ты сегодня окажешься столь ранней пташкой!

Ноэль (тем же тоном). Мама, прошу тебя...

Г-жа Фрамон. А где Жанна?

Ноэль (сухо). Жанна не готова.

Г-жа Фрамон. Послушай, Ноэль, раз ты здесь, я хотела бы сказать тебе пару слов по поводу твоего брата. Помнишь, я тебе писала.

Ноэль. Это насчет младшей Гребо?

Г-жа Фрамон. Он никак не может решиться.

Ноэль. Но, в конце концов, это касается только его.

Г-жа Фрамон. Сама малютка, которая мне нравится необычайно, без ума от него.

Ноэль. Ну, уж в это ты едва ли заставишь меня поверить. Антуан не из тех, к кому можно воспылать страстью.

Г-жа Фрамон. Почему ты так думаешь?

Ноэль (устало). Ладно, допустим.

Г-жа Фрамон. Притом он находит ее прелестной.

Ноэль. Тогда в чем дело?

Г-жа Фрамон. Вот это-то и непонятно: может быть, в нем говорит щепетильность. Ведь ее отец очень состоятелен.

Ноэль. Ну нет, это уже в стиле романов Октава Фёйе... Хорошо, я с ним поговорю.

Г-жа Фрамон. Ты явно не в духе.

Ноэль. Я ужасно плохо спал.

Г-жа Фрамон. Как это все-таки грустно. Ждешь, ждешь отпуска как величайшего праздника...

Ноэль. Поверь, я здесь ни при чем.

Г-жа Фрамон. Мне кажется, я немного догадываюсь о причине... (Ноэль пожимает плечами.) Отпуск... пришлось на неудачные дни?

Ноэль. Терпеть не могу таких расспросов.

Г-жа Фрамон. Вчера я обратила внимание на то, что Жанна плохо выглядит. Но ведь это – дело нескольких дней.

Ноэль. Может быть, оставим эту тему?

Г-жа Фрамон (вошедшему Антуану). Ноэль полностью разделяет мою точку зрения. Впрочем, он сам тебе об этом скажет. (Вполголоса, Ноэлю.) У тебя прекрасная возможность повлиять на брата. (Уходит.)

Ноэль. Мне незачем говорить тебе, что у меня не может быть по этому поводу никакого мнения. Ты тысячу раз прав, что тщательно все взвешиваешь. Ты в том возрасте, когда человек знает, как ему поступать, так что можешь быть уверен, что я не стану докучать тебе неуместной назойливостью.

Антуан. Благодарю.

Ноэль. Дай бог разобраться с собственными проблемами; не хватает еще вмешиваться в дела других!

Антуан. Ты прекрасно знаешь, что с твоей стороны это никогда не было бы вмешательством. У меня слишком живо в памяти, чем ты был для меня в непростых ситуациях...

Ноэль. Да когда же это, бог мой?..

Антуан. Во время болезни Терезы и после... Знаешь, я часто думаю об этом. Ты один понимал тогда, что надо было говорить – и, главное, что следовало хранить про себя. Мама, Моника...

Ноэль. Жди от наших женщин такта и разума!

Антуан. Мне особенно вспоминается день – это было вскоре после трагедии, я еще оставался в Шевинье. Ты приехал неожиданно, и мы провели вместе воскресенье.

Ноэль. Да, действительно.

Антуан. Мы совсем не говорили о ней, но я понимал, что все твои мысли были только об этом. Я очень часто вижу тебя таким, каким ты был в тот день. Мы шли по длинной аллее, обсаженной тополями, ты поддевал тростью опавшие листья... Эта картина подчас совершенно произвольно возникает у меня перед глазами.

Ноэль. Занятно. А передо мной образы тех или иных людей встают только тогда, когда появляется конкретный повод подумать о них.

Антуан. Но для вас, там, это совсем другое; там полностью поглощают насущные дела.

Ноэль. Брось. Как будто у тебя нет насущного дела!

Антуан. Это не то... Я тебе почти перестал писать, ты прости. По правде говоря, не знаешь, что сказать. Так унижительно сидеть здесь сложа руки, в то время как вы...

Ноэль. Что за глупость! Терпеть не могу, когда ты так говоришь. Ты нужен на своем месте. А оттуда тебя эвакуировали бы в течение сорока восьми часов.

Антуан. Да, вероятно. Хотелось бы быть для тебя лучшим корреспондентом; но рассуждать о боевых операциях... сам понимаешь, штатский для этого не годится.

Ноэль. И военный – тоже. Клянусь, если б мы хоть что-нибудь в этом понимали!.. Чего ждут от Соммского наступления? Эффекта внезапности? На него уже не приходится рассчитывать. Мы задохнулись в грязи, в траншеях, моральное состояние людей – хуже некуда. Так что...

Антуан. И если мы, в тылу, не способны вас ободрить, то чего мы стоим! Лучше молчать.

Ноэль. Но ты вовсе не обязан говорить о войне! Война – это так докучно; избитая, затасканная тема. И в то же время есть вещи, о которых я хотел бы знать, и я не вижу, кто бы мне в этом помог, кроме тебя. Даже что касается дома... ты не представляешь себе, до чего я не в курсе. От Жанны приходят записки буквально в три строки; в письмах мамы и Моника речь только о домашних неурядицах или о делах мадам такой-то...

Антуан. Честно говоря, в нашей жизни не случается ничего из ряда вон выходящего. Глядишь, как растут дети: пожалуй, вот главное. Ты ведь знаешь, я не придаю большого значения воспитанию...

Ноэль (продолжая свою мысль). И все-таки... Послушай, старина, мне понадобилось не так много времени, чтобы обнаружить, что что-то неладно.

Антуан. Что ты имеешь в виду?

Ноэль. Я хочу тебе сказать, что этой ночью я пережил с Жанной очень тяжелые минуты. Когда я хотел... выказать ей свою нежность, то был ошеломлен ее реакцией – настоящим взрывом отчаяния. Стенания, слезы – и так до утра...

Антуан. Ты не думаешь, что это объясняется исключительно потрясением, вызванным твоим приездом?

Ноэль. Нет. Я почувствовал в Жанне твердую решимость отказать мне. И это лишь подкрепляет впечатление, которое сложилось у меня от ее немногословных писем, – я о них только что упомянул; подчас я боялся обнаружить в них умышленное уклонение от ответа на какие-то мои порывы. А ведь стоит только вспомнить, какой она была... совсем недавно, перед самым моим отъездом на фронт! Это непостижимо.

Антуан. Понимаю тебя.

Ноэль. Так что же случилось? У тебя нет никаких догадок на этот счет? Вернуться домой, чтобы застать такое!.. поверь, это ужасно. Я ведь... ты понимаешь... я жил мыслью об этом свидании, я не позволял себе ни малейшего... отвлечения. Я отнюдь не хочу сказать, что жалею об этом! Но я... меня одолевает беспокойство.

Антуан. И все-таки я полагаю, что это связано с невероятным волнением, в которое ее поверг твой приезд.

Ноэль. Нет, ты сам в это не веришь. Где здесь логика? Она бы мне сказала: «Не сегодня... Завтра».

Антуан. Бесспорно одно – она страстно тебя любит.

Ноэль. Это все слова...

Антуан. Нет, это – единственная реальность. Видел бы ты, как она поджидает почтальона, как набрасывается на твои письма... Ты абсолютно не прав!

Ноэль. Отчего же так изменился тон ее писем? Здесь может быть только одно объяснение, и ты прекрасно это знаешь.

Антуан. Мой бедный Ноэль, клянусь тебе, ты просто бредишь: твои подозрения были бы чудовищны, не будь они... смешны.

Ноэль. Если здесь что и смешно, так это мое положение.

Входит Жанна; она в явном смятении.

Жанна. Извините, я только и делаю, что вхожу и выхожу... Я ищу свою сумочку, мне казалось, что я ее оставила здесь.

Антуан (тихо). Жанна, ради бога, одумайтесь. (Громко.) Ну, я пошел, мне пора взглянуть, что делается в моей конторе! (Уходит.)

Жанна. У меня сложилось совершенно определенное впечатление, что в момент, когда я вошла, вы говорили обо мне.

Ноэль. И дальше что?

Жанна. Но, Ноэль, я не могу допустить мысли, что ты поверил брату некоторые... интимные вещи!

Ноэль. Я не стану тебе отвечать, пока сам не получу от тебя объяснений.

Жанна. Ах... так ты все о том же!

Ноэль. Твое поведение порождает во мне худшего рода беспокойство.

Жанна. Но, бога ради, что ты хочешь сказать?

Ноэль. Повторяю: худшего рода беспокойство.

Жанна. Ноэль!

Ноэль. Если ты настолько безответственна, что не осознаешь всей серьезности иных слов и поступков...

Жанна. Так вот степень твоего доверия!

Ноэль. Доверие – это то, что должно подкрепляться.

Жанна. Вот так ты меня любишь...

Ноэль. Брось, пожалуйста. Оценить, как я тебя люблю, зависело только от тебя!

Жанна (глубоко взволнованная). Неужели ты действительно считаешь, что я лишила тебя возможности проявить свою любовь?

Ноэль. Еще бы!..

Жанна. Единственная любовь, имеющая в моих глазах цену...

Ноэль. Не знаю, что ты собираешься сказать, но предупреждаю, что война пока еще не отшибла у меня память.

Жанна. Я тревожусь, не повлияла ли она странным образом на характер твоей любви, – это было бы страшнее.

Ноэль. Итак, мне следовало принять твои милости с горячей признательностью...

Жанна. Тебе следовало... О, человек ни при каких обстоятельствах не имеет права не понимать!

Ноэль. Что все это значит? Я хотел бы разъяснений... Возьми любого мужчину: ты увидишь, найдется ли хоть один, кто согласится с тобой. Что я здесь должен понимать? Что ты меня не любишь – скорее всего, потому что любишь другого? Конечно, тебе, насколько я тебя знаю, эти месяцы разлуки должны были показаться утомительно долгими – как впрочем, и мне. Стало быть...

Жанна. Я запрещаю тебе повторять эту низость!.. Так вот до чего ты дошел, вот, оказывается, каково твое представление обо мне... и такие мысли зрели в тебе в сени смерти!

Ноэль. А смерть здесь при чем? (Молчание. Другим тоном.) В том, как ты держишься со мной, Жанна, есть нечто отталкивающее, мне кажется, ты должна это понимать. Женщина не вменяет мужчине в вину то, что он желает ее: ты пытаешься сделать вид, будто усматриваешь в этом влечении бог весть какой животный инстинкт.

Жанна. По сути... оно именно таково.

Ноэль. Ты же великолепно знаешь, что... это сама жизнь.

Жанна. Жизнь!

Ноэль. И прекрасная.

Жанна. Нет, неправда... в этом нет прекрасного.

Ноэль. Нет прекрасного? В полном обладании?.. Слиться в единое существо!..

Жанна. В единое тело, ты хочешь сказать. Но это не слияние двух душ!

Ноэль. Не начиталась ли ты ненароком благочестивых романов издания Плон-Нурри, по три с половиной франка за штуку?.. Но я тебе запрещаю это. Может быть, религия...

Жанна. Друг мой, прошу тебя, не произноси сейчас этого слова.

Ноэль. «Друг мой»!.. Но, в конце концов, если б я мог быть уверен, что это только кризис... ну, скажем, нравственная щепетильность, внушенная духовником!

Жанна. Как бы то ни было – это то наиболее глубокое, что есть во мне

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosoff.org
самой; и потом, это не щепетильность.

Ноэль.Ну, так ты безжалостна. Если б ты только могла себе представить, на какую жизнь там обречены бедные парни вроде меня!

Жанна(горячо).Ты полагаешь, я не думаю об этом? Да нет мгновения, когда бы меня не преследовала мысль об этих лишениях, об этой вечной угрозе!

Ноэль.Верится с трудом...

Жанна.Как представлю себе, что твоя жизнь – на волоске, что любая неожиданность может оказаться роковой, – я готова сойти с ума...

Ноэль.Если ты сама признаешь, что в твоём поведении этой ночью было что-то от помешательства...

Жанна.Но, Ноэль, ты говоришь не о том: ведь это все – не в счет, это – не мы. Ты что же, не можешь понять?.. Неужели ужас постоянной опасности, постоянной неопределенности не открывает тебе глаза? Неужели ты не избавишься от этой мании, не сможешь побороть ее в себе? Два бранных тела... (С дрожью.)Бранных...

Ноэль.С той минуты, как ты отказываешь мне безо всякой причины, ты перестаешь быть моей женой. Ты... делаешь из меня вдовца.

Жанна.Не произноси это ужасное слово. Ноэль, возможно ли, что даже в такой момент нам не будет дано отнестись к жизни с глубочайшей серьезностью?..

Входит Моника с озабоченным видом.

Моника.Жанна, было бы неплохо, если бы вы заглянули в детскую. Жюли только что собралась одеть Андре в костюм моряка; мне кажется, лучше его оставить для воскресных дней, –но вам виднее.

Жанна.Какое это имеет значение?

Моника.Вероятно, не помешало бы дать этой неопытной бонне кое-какие инструкции; по-моему, она довольно-таки глупа. Но, конечно, как сочтете нужным. Я хотела бы еще добавить, что Андре ее совершенно не слушается. Наверное, пора и тут навести порядок.

Жанна(выведенная из терпения).Хорошо.(Уходит.)

Ноэль.Моника, у меня к тебе вопрос. Жанна заметно изменилась. Не можешь ли ты мне помочь разобраться в причинах этого? Что, аббат Рушет часто бывал здесь в последнее время?

Моника.Раз в неделю, как и прежде.

Ноэль.Ты ведь знаешь, я считаю его опасной личностью.

Моника.Я знаю только то, что у тебя против него – предубежденность, недостойная тебя.

Ноэль.Аббат Рушет – зловредный человек; он не только напичкан всеми предрассудками, присущими его собратьям, но – кроме того, помнится, я обнаружил в нем наряду с невыносимо вкрадчивыми манерами, которые в этих господах никого не должны удивлять, склонность соваться в чужие дела – что ему стоило в свое время нескольких колкостей с моей стороны.(Вставая.)Ведь это он умудрился тогда вбить клин между Шарлем Кордые и его женой, как тебе известно.

Моника.Ну можно ли быть до такой степени несправедливым! Неужели аббат Рушет виноват в том, что этот негодяй...

Ноэль.О Шарле Кордые у меня очень давно сложилось мнение как об одном из лучших парней на свете. Его выходки, вызывающие твое негодование, меня мало волнуют; но я точно знаю: это аббат Рушет восстановил против него его святошу-жену. И, проводя параллель, я уже не удивляюсь некоторым вещам.

Моника.Не знаю, чего ты добиваешься. К несчастью, Жанна никогда не беседовала с аббатом. Я говорю: к несчастью, потому что будь у нее оказия послушать этого божьего человека, возможно, у нее бы ума прибавилось.

Ноэль.Думаю, это не то, чего ей недостает. Во всяком случае, я пожелал бы, чтобы визиты аббата Рушета к нам стали реже... значительно реже. К тому же, совершенно незачем приглашать его к обеду. Если мама или ты нуждаетесь в его поучениях, можете приглашать его в те часы, когда Жанны нет дома. Надеюсь, я ясно выразился.

Моника.Как ты со мной разговариваешь!

Ноэль.Не вдаваясь в детали, повторю тебе еще раз: у меня есть основания предполагать, что он оказал на Жанну пагубное влияние... И, кроме того, я не хотел бы, чтобы вы таскали Жанну с собой на все ваши приходские лицедейства.

Моника(резко).Успокойся, она совершенно непредсказуема, в том числе и в посещении служб. Вчера она нам сказала, что пойдет к мессе, которую должны отслужить по погибшим 422-го полка. Моему удивлению не было предела!

Ноэль.По-видимому, ты плохо помнишь, что когда я просил маму взять к себе Жанну с детьми, я поставил несколько условий.

Моника.Можешь не возвращаться к этому; ты нас тогда достаточно оскорбил.

Ноэль.Я рассчитываю, что мне не придется к этому возвращаться. Имеющий уши да слышит. (Выходит из комнаты.)

Моника(подходя к двери).Жанна! Жанна!
Жанна(за сценой).Я занята.

Моника ходит взад и вперед в сильнейшем возбуждении. Она зовет Жанну еще раз.

Жанна(входя).Что случилось?

Моника.Можно подумать, что вы поклялись всех нас тут свести с ума. Из-за вас Ноэль разговаривал со мной так, как не разговаривал за всю свою жизнь!

Жанна.Из-за меня?

Моника.Он перекладывает на нас вину за тот более чем странный прием, какой вы ему оказали... Не можете же вы воображать, что я ничего не заметила. Я не слепая. Мама – тоже.

Жанна.Не понимаю, к чему вы клоните.

Моника.Разумеется, я не могу точно знать, в чем он вас упрекает.

Жанна.Если ни вы, ни я не знаем, о чем речь, разговор мне кажется беспредметным.(Собирается уйти.)

Моника.Видели бы вы, какое у вас сейчас выражение лица!..(Жанна пожимает плечами.)Вы слишком склонны забывать, что живете у нас.

Жанна.Но вы не пренебрегаете ни малейшей возможностью напомнить мне, что я действительно не у себя; и я хотела бы предупредить вас, что у меня уже не хватает сил терпеть этот постоянный надзор за тем, что я говорю и что делаю.

Моника.Не я одна нахожу, что вы нуждаетесь в опеке.

Жанна.Что вы хотите этим сказать?

Моника.Ничего.

Жанна.Я жду.

Моника.Антуан, единственный, с кем вы здесь хоть как-то считаетесь...

Жанна.Так что же?..

Моника.Он того же мнения, что и я.

Жанна.Сильно сомневаюсь в этом.

Моника.У меня есть доказательства.

Жанна.Могу я их знать?

Моника.Нет.

Жанна.Моника, я не привыкла к подобному обращению; и если вы не выскажетесь яснее, сегодня же нас с детьми в этом доме не будет.

Моника.Это может решать только Ноэль.

Жанна.Ноэль не допустит, чтобы меня здесь оскорбляли.

Моника.Никто вас не оскорбляет, вас только считают безответственной, вот и все. И, повторяю, Ноэль полностью разделяет это мнение; он вынужден усматривать в этом дурное влияние...

Жанна.Ваше, вы хотели сказать?

Моника.Он еще не в курсе некоторых странных вещей; знал бы он, что вы сжигаете его письма!.. Сжигать письма мужа, когда неизвестно, вернется ли он вообще! Вот – одно из доказательств бессердечия, по поводу которых вы так негодуете; это все до того противоестественно!

Жанна(резко).Довольно.

Моника.Бедный, к счастью, ему это и в голову не приходит; если ему суждено отдать богу душу на поле боя, пусть он хотя бы сохранит свои иллюзии...

Жанна(со страстью).Я вам запрещаю говорить о его смерти! Вы не имеете права вообще касаться этой темы. Это дозволено лишь тем, кто любит всем своим существом. С вашей стороны это кощунство, преступление!

Моника.Вы смеете утверждать, что я не люблю своего брата? Да есть ли что-нибудь выше нашей с ним взаимной привязанности!

Жанна.Не будем касаться чувств.

Моника.Вы не знаете, что такое семья, вы(помолчав)...это, пожалуй, единственное, что может вас извинить. Ну, конечно, когда перед глазами – известные нам примеры...

Жанна.Замолчите.

Моника....тогда женщина, возможно, действительно не способна правильно вести себя в жизни. И ей можно посочувствовать.

Жанна.Не пытайтесь чернить меня вашей жалостью: оставьте ее при себе.

Моника.Все же очень горько думать, что...(Замолкает.)

Жанна.Опять!

Моника.Очень горько...

Жанна.Я поставлю Ноэля в известность, что больше не проведу ни одной ночи под этой крышей.

Моника.Давайте, продолжайте. Надеюсь, хоть это откроет ему глаза.

Входит Антуан. Он плохо выглядит; останавливается, чтобы отдышаться.

Антуан.Ничего, не обращайтесь внимания... Там, на заводе, у меня началось головокружение, это со мной случается.

Моника(торопливо).И ты вернулся один? Какая неосторожность! Ты так изменился в лице... я принесу что-нибудь от сердца.

Антуан.Маме ничего не говори.

Моника.Не беспокойся; это ее привело бы в такое состояние!.. (Кивая в сторону Жанны.)О! Она... как вспомню, что ты мне говорил вчера вечером!(Поспешно уходит.)

Антуан.Не смотрите на меня с таким испуганным видом, ничего серьезного, я показался врачу. Однако похоже на болезнь, вот в чем идиотизм.

Жанна.Но что это может быть?

Антуан.Неважно; допустим, анемия. Не стоит много говорить об этом. Мне уже гораздо лучше.

Жанна.Если бы вы знали... Но, видимо, вы с ней заодно в готовности оскорблять меня, презирать...

Антуан.Что вы такое говорите, Жанна?..

Жанна.Вы заявили, что мне необходима опека.

Антуан.Кто вам это сказал?

Жанна.Моника... только что. Что вы ей говорили вчера вечером?

Антуан.Не следует обращать внимание на слова Моника. Временами жизнь, которую она ведет, ужасно ее гнетет; ее надо скорее пожалеть.

Жанна.Вы пытаетесь сбить меня с толку. Речь не о Монике и не о ее характере. Она ведет ту жизнь, которая ей только и подходит, притом, повторяю, у нее на роду написано быть старой девой.

Антуан.Я с трудом нахожу оправдание этим вашим выпадам, Жанна. К тому же...(Не заканчивает фразы.)

Моника(входя).На, выпей горячего.(Протягивает брату кипящий грог.)

Антуан.Спасибо.

Моника.Тебе следует отдохнуть. Пойди, ляг в постель. Неразумно оставаться здесь; да и о чем говорить, бог мой?

Антуан.Нам с Жанной нужно побеседовать, Моника.

Моника.Уж не льстишь ли ты себя надеждой, что сумеешь объяснить ей, чем она нам обязана!..

Антуан.Жанна нам ничем не обязана.

Моника.Я ухожу... ты меня очень огорчаешь.(Уходит.)

Жанна.Не скрою, Антуан, для меня нестерпима мысль, что Ноэль посвятил вас в вопросы, касающиеся только его и меня.

Антуан.Он был не прав. Это надо отнести на счет пережитого им неожиданного удара.

Жанна.Его реакция была грубой, недостойной.

Антуан.Существует некая нравственная утонченность, развитию которой не может способствовать война.

Жанна.Вы хотите сказать, что война поражает самое личность человека, что она убивает душу так же, как и тело?.. О, если бы я могла думать...

Антуан.Жанна, вы несправедливы.

Жанна.К тому же речь идет не об утонченности, а всего лишь об элементарной деликатности. Прежде – если бы вы знали...

Антуан.Деликатность, о которой вы говорите, – это все же своего рода роскошь.

Жанна.Для меня это единственное необходимое качество.

Антуан.Для вас, Жанна... а для него! Подумайте о той жизни, где остается место только для простейшего, где все, что не необходимо – запретно... может быть, губительно.

Жанна.Я не понимаю вас.

Антуан.А я это чувствую так остро... Как он ест, например. Есть стало для него чем-то, что важно само по себе: поступком.

Жанна.Ноэль всегда был гурманом.

Антуан.Как странно, что вы не понимаете... Между тем надо... надо... нельзя допустить, чтобы он уехал так – разочарованным, озлобленным, может быть, возмущенным... и уже менее способным защитить себя.

Жанна.Вы хотите сказать...

Антуан.Жанна, теперь им жизненно необходимо опрощаться. Ожидающаяся атака, смена часовых, довольствие – вот грубые реальности, из которых состоит их жизнь. Жизнь, направленная на конкретные цели, вне которых нет ничего.

Жанна.Ваши слова меня возмущают. Слово у этих людей не осталось идеалов!

Антуан.Они есть... подспудно, где-то в тайниках души.

Марсель Габриэль Завтраняя жертва filosoff.org
Жанна(резко).И потом, что вы знаете об этом? ...простите.
Антуан(с горечью).Ничего.
Жанна.Мне стыдно... ведь вы такой добрый, все понимающий.
Антуан(смущенный, мягко).Ваши похвалы меня немного задевают.
Жанна.В вас столько деликатности... словно за всех в этом доме.
Антуан.Прошу вас...
Жанна(другим тоном).Некоторые письма Ноэля... словом, уверяю вас, это не письма дикаря!
Антуан.Но, бедная моя Жанна, было бы прекрасно именно примириться с инвалидностью такого рода: что может быть выше?.. И потом, я вовсе не хочу сказать, что не бывает кратких мгновений, когда люди на войне как бы вновь овладевают всеми сторонами своего существа, принесенными ими в жертву. Но это – вспышки, в них слиты героизм и трагедия.
Жанна.Будь это даже так... как он не оправился здесь, вырвавшись из ада?
Антуан.Вы в самом деле полагаете, что достаточно одного дня, одной встречи? Любовь, даже сама смерть становятся для этих людей стихийной, материальной силой. Для вас – совсем другое дело. В вашей ситуации разлука – воспитание чувств, в их положении – Голод.
Жанна.Не всегда.
Антуан.Можно восхищаться теми, в ком душа осталась невредимой, но не следует презирать остальных.
Жанна.До сих пор вы не говорили со мной так.
Антуан(тихо).Потому что сейчас мне больше жаль не вас.
Жанна.Все же, если допустить, что вы правы... это будет означать, что Ноэль – всего лишь посредственность. Если даже на пороге... (колеблется)вечности мы не можем быть только душой...
Антуан.Вы меня пугаете.
Жанна.Как можно опошлить последние земные минуты, которые дарует нам судьба?
Антуан.Чувствуется, что вы упиваетесь этими фразами, что они выношены вами! Разумеется, у вас было на это свободное время... Нужен досуг, чтобы подняться до подобной... духовности. Не возражайте, Жанна. Мне тяжело слышать ваши рассуждения.
Жанна.Поразительно! Вы не лучше других. В вас не больше милосердия.
Антуан.Вам ли говорить о милосердии? Подумайте.
Жанна(вполголоса).Тело не отдают из милосердия.
Антуан(задумавшись).Но ведь... нет, такое вторжение в чужую жизнь чудовищно.
Жанна.Поздно же вы это заметили!
Антуан.Но ваша откровенность...
Жанна.И его...
Антуан...оправдывает мою смелость. И потом... Жанна, вы мне сестра. Это – помимо моей воли. Так получилось.
Жанна.Удачно найденное слово для обоснования моральной опеки, которую, как я слышала, вы собираетесь мне навязать.
Антуан.Вы во всем видите только оскорбления.
Жанна.Справедливости ждуть неоткуда. В усилки, которое я делаю над собой, чтобы себя преодолеть, подняться выше, вы усматриваете лишь результат праздности или влияние невесть какой пошлой литературы. Но мне отвратительны те рассудочные жеманницы, к которым вы меня относите. Страх конкретный, физический, владеющий мной...
Антуан.Вы не справляетесь с ним.
Жанна.Скажите мне, как это сделать.
Антуан.Жанна, насколько я вас понимаю, вы живущего сегодня приносите в жертву тому, кто будет убит завтра. Этот преждевременный, поспешный культ погибшего не дает вам удовлетворить мужчину во плоти, который вас желает. Вы дрожите?(Молчание.)
Жанна.Я поклялась не дать нашей любви стать единственно этим... я смогу пережить Ноэля, только если заставлю умолкнуть в себе – вы слышите, в себе – некий слишком мучительный зов... И когда Ноэль снова будет самим собой, в высший час, он поймет, что этот обет был мне в конечном счете продиктован им же.
Антуан.Нет, вы поклялись не ему – вы поклялись его памяти, поклялись бог знает какой возвышенной фикции, которую выстроили из обломков того, что было человеком. Этот боготворимый покойник, эта идея, во имя которой вы его умерщвляете, – только идол, и в нем нет ничего священного. И потом... По сути, ему ли – мертвецу, идолу – вы приносите эту жертву? Отказывая Ноэлю в том, чтобы... быть его женой, вы себе готовите менее мучительное вдовство – не так ли? Жанна, поверьте мне, такая прозорливость – предательство. Любить – значит говорить любимому человеку: «Ты не умрешь, ты не можешь умереть».
Жанна.У вас короткая память. А как во время ночей, которые вы провели у

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosofff.org
постели жены, – что, эта чудесная вера поддерживала вас?

Антуан. Уверю вас, не было ни дня, чтобы я, входя в ее комнату, не повторял себе: «Она сможет вылечиться». Всегда надо надеяться, Жанна!

Жанна. Не все способны верить в чудо.

Антуан. До чего же убого все, что вы говорите! Да и разве речь идет о чуде? (После паузы. Подчеркнуто.) Если Ноэль вернется – простите ли вы ему его возвращение?

Жанна (глухо). Ноэль не вернется.

Ноэль (войдя, Антуану). Как? Ты здесь?

Антуан. У меня началось легкое головокружение, когда я был на заводе.

Ноэль. Бедняга...

Антуан. Бейяр настоял, чтобы я непременно вернулся домой.

Ноэль. Что ты и сделал...

Антуан. Это что, ирония?

Ноэль. Дружище, тебе нужен деревенский воздух. Здешний никуда не годится. (С трудом пересилив себя, Жанне). Ты согласна со мной?

Жанна. Полностью.

Ноэль. У тебя покраснели глаза... (Жанна отворачивается.) Я встретил папашу Гребо...

Антуан. Решительно – он попадает на глаза всем, повсюду.

Ноэль. С малюткой; она очаровательна. Поздравляю тебя: никак не ожидал, что она так похорошеет. Живые глаза... Боюсь, однако, не собрался ли ты наделать глупостей. (Жанне.) Что ты об этом думаешь?

Жанна. Ты ведь понимаешь, это не мое дело.

Ноэль. Ну и странный же вид у вас обоих.

Жанна. Меня немного напугало, как выглядел Антуан.

Ноэль. Но, в конце концов, что это за головокружения? Я понимаю – у малокровной молодой девицы. Но у мужчины в тридцать девять лет...

Антуан. Я только что это же говорил Жанне, здесь не из-за чего переживать; ничего серьезного.

Антуан медленно выходит из комнаты.

Жанна. Видишь ли, ему тяжело, когда с ним так говорят о его здоровье.
Ноэль. Да, но с другой стороны... (Пауза.) Как ты думаешь, он по этой причине не решается жениться?

Жанна. Что я могу тебе сказать? Я ведь не знаю.

Ноэль. Однако, судя по всему, у вас нет секретов друг от друга. (Неопределенный жест Жанны.) Ясно, что если он может свалиться в обморок в ответственный момент...

Жанна. Как грубо то, что ты говоришь! Нельзя шутить над подобными вещами.

Ноэль. Но я вовсе не шучу. Просто когда видишь малышку Гребо – крепкое, здоровое создание...

Жанна. Но ведь она его любит.

Ноэль. В том-то и дело: нельзя, чтобы она обманулась в своих ожиданиях.

Жанна. Обманулась! У тебя это словно наваждение. (Ноэль смеется.) Ноэль, когда мы поженились... вначале... уверяю тебя, эта сторона... это мне не доставляло радости... Поверь мне, то, чего я от тебя ждала, было совсем иное.

Ноэль. Очень грустно слышать это!

Жанна. Почему же?

Ноэль. Если я не сделал тебя счастливой...

Жанна (возражая, с горячностью). Ты сделал меня глубоко счастливой! Но будь в жизни только эти моменты...

Ноэль. Счастливой, правда?.. Видишь ли, дело в том, что... там выпадают невеселые часы, когда терзаешься, упрекаешь себя...

Жанна. Понимаю, родной!

Ноэль. Так что в случае, если доведется остаться там...

Жанна (со страстью). Не говори так, ты вернешься!

Ноэль. Не гарантировано... Хотя, знаешь, в душе я сильно на это рассчитываю.

Жанна (менее убежденно). Ты должен.

Ноэль. Обещаю тебе, что в той мере, в какой это будет зависеть от меня...

Жанна. Ты не имеешь права рисковать собой без крайней необходимости.

Ноэль. Вообще-то это вопрос везения.

Жанна. Да... конечно... (Молчание.) Так ты не очень на меня сердись?

Ноэль (двусмысленным тоном). Ну, видишь ли... (Жанна выразительно смотрит на него.) Признаю, что я, вероятно, немного поспешил...

Жанна. Рада видеть тебя более рассудительным.

Ноэль. Только не подумай, что я собираюсь и далее мириться с таким положением.

Жанна. Ты боишься, что слишком успокоил меня!.. Ну да, ты сегодня в

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosofff.org
лучшем настроении, это уже много; я, конечно, не спрашиваю, чем вызвана эта счастливая перемена. Возможно, ты просто призадумался.

Ноэль.Я много размышлял над этим; совесть моя спокойна. В моем страстном желании – пусть оно было несвоевременным – не было ничего криминального. И если кому-то из нас придется в будущем упрекать себя, то совершенно очевидно, что это буду не я.

Жанна(взволнованно).Что ты хочешь сказать?

Ноэль.Черт возьми, если дело все же примет скверный оборот...

Жанна.Бог мой, ты спекулируешь на этом ужасе!

Ноэль.Я ни на чем не спекулирую. Но, в конце концов, если я буду... ну, допустим, изрядно покалечен, ты, возможно, о чем-то пожалеешь.

Жанна.Но это уже просто шантаж!

Ноэль.Ничуть. Я только пробую поставить себя на твое место.

Жанна.Благодарю, но сомневаюсь, чтобы тебе это удалось. Так что оставь эти попытки.

Ноэль(резко меняя тему).Кстати, мы приглашены вечером на чай к Розине де Мюрсэ.

Жанна.Как так?

Ноэль.Я ее только что встретил.

Жанна.Не оттого ли у тебя изменилось настроение?

Ноэль.Все может быть. Крошка очень мила.

Жанна.Ну, знаешь, это слишком избитое средство!

Ноэль.Позволь?..

Жанна.Ты меня прекрасно понял.

Ноэль.Я говорю, что она, вообще-то, весьма кстати.

Жанна.Все женщины, любая...

Ноэль.Нет, разумеется, некоторые.

Жанна.Как бы то ни было, если ты собираешься идти, ты пойдешь один.

Ноэль.Все будет, как ты захочешь.

Жанна.Не думаю, чтобы ты был этим огорчен.

Ноэль.В жизни каждый должен поступать сообразно своему желанию.

Жанна.Я не привыкла к такому либерализму. Что же касается Розины де Мюрсэ, хочу тебя предупредить...

Увидев входящую Г-жу Фрамон, не договаривает фразы.

Г-жа Фрамон.Ноэль! Возможно ли?! Жюли мне сказала, что ты еще не поцеловал ребят!

Ноэль.Где они? С удовольствием это сделаю.

Г-жа Фрамон.Жюли потрясена, она сказала: «Мсье еще не заходил поцеловать детей!»

Ноэль.Пусть не суется не в свое дело. Я только что собирался навеститься к ним, и тут услышал крики, словно им задали трепку: не выношу подобных сцен. Нервы и так на взводе...

Г-жа Фрамон(глядя на Жанну).Бедный мальчик! Невесело же начался твой отпуск...

Ноэль.Нет... вовсе нет! И незачем глядеть на Жанну большими глазами, она здесь ни при чем.

Г-жа Фрамон.Увы...

Ноэль(не скрывая раздражения).Я не хотел бы, чтобы мои слова ставились под сомнение.

Г-жа Фрамон.Рада бы тебе верить, но... Моника мне сказала...

Ноэль.Я очень сожалею, если Моника решила пересказать тебе некоторые замечания, которые я счел себя обязанным сделать ей только что; но я не отказываюсь ни от одного слова.

Г-жа Фрамон(покачивая головой).Ты знаешь не все.

Ноэль.И не стремлюсь узнать.

Г-жа Фрамон.Ты не поверишь своим ушам, если я тебе скажу, как Жанна обошлась с Моникой!

Ноэль.Мама, между прочим, Жанна – здесь.

Г-жа Фрамон.Мне сейчас трудно разговаривать с ней.

Ноэль.Очень жаль.

Г-жа Фрамон.Твоя пристрастность меня поражает.

Ноэль.Позволь мне не колебаться в выборе между Жанной и Моникой, устами которой ты сейчас говоришь.

Г-жа Фрамон(вздыхая).Пусть так.(Выходит.)

Жанна.Спасибо, родной.(Целует его.)

Ноэль(довольный).Все-таки!

Жанна.Моника только что...

Ноэль.Я знаю, какой она может быть. При лучших намерениях.

Жанна.Допустим.

Ноэль. Но она задела тебя?

Жанна. Глубоко. Ну, да это пустяки, не будем о них говорить.

Ноэль. Напротив, будем, непременно, я этого хочу.

Жанна. Возможно, я сама была слишком резка... Все это не имеет никакого значения – поскольку я снова узнаю тебя, мой Ноэль. (Делая над собой усилие.) Так этим вечером...

Ноэль. Ты пойдешь со мной?

Жанна. Нет, вряд ли. Сегодня Жюли уходит после обеда, мне надо будет заняться детьми... Ты пойдешь один.

Ноэль. Мне ведь это не так важно, ты понимаешь.

Жанна (не вполне искренне). Да, конечно.

Ноэль. Ну, посмотрим... Так я пойду, взгляну, что делают ребята. (Встает, чтобы идти.)

Жанна. Послушай, Ноэль...

Ноэль. Что?

Жанна. Не думай, что я так глупа. Я знаю, что Розина прежде была твоей любовницей.

Ноэль. Это бред.

Жанна. Я знаю, что говорю.

Ноэль. Обвинение столь беспочвенно, что я не стану даже оправдываться.

Жанна. Удобная позиция. Но я уверена в том, что говорю.

Ноэль (с напускной игривостью). И кто же тебя поставил в известность?

Жанна. В этом не было необходимости.

Ноэль. Даже так?

Жанна. Уверяю тебя.

Ноэль. Иными словами, ты не хочешь назвать своего осведомителя... (Резко.) Скажи мне: это Антуан?

Жанна. Ты с ума сошел.

Ноэль. Мне кажется, вы так близки...

Жанна. Теперь ты должен понять, что мне крайне неприятен твой визит к этой женщине. Это для меня... почти нестерпимо.

Ноэль (довольный). Конечно, если у тебя такие мысли... Но будь это даже правдой, нет никаких оснований думать, что я ей нравлюсь и сейчас. Милейшая Розина очень капризна.

Жанна. Боюсь, что улыбка на твоём лице, когда ты вошел, не была улыбкой человека, который нравился... когда-то.

Ноэль. Сколько психологии!..

Жанна. К тому же у нее есть обыкновение всякий раз спрашивать о тебе.

Ноэль. Смотри-ка! Как неосторожно с твоей стороны рассказывать мне об этом...

Жанна. Ноэль, не думай, что сейчас я примирилась бы с таким предательством легче, чем прежде.

Ноэль. Разрешите заметить тебе, что ты меня немного удивляешь. Когда человек уклоняется от своих... (с улыбкой) обязанностей, он тем самым лишает себя определенных прав.

Жанна. Ты только что говорил – может случиться, что... Одним словом, ясно: невозможно знать... увидимся ли мы еще. Так вот, для меня было бы невыносимо... хранить твой образ оскверненным!

Ноэль. Ты требуешь, чтобы я позаботился о своем образе? (С усмешкой.) Недурно... Но, голубушка, должен тебе сказать, что это зависит единственно от тебя. Если в тебе возьмут верх чувства более человеческие – обещаю тебе, Розине нечем будет похвалиться; но если ты меня обрекаешь... на полный пост...

Жанна (она шокирована). То, что ты говоришь, – ужасно!

Ноэль. Возможно, я несколько груб, но чего ты хочешь? Все же есть какие-то вещи, с которыми надо считаться. А вообще-то у тебя могло бы быть побольше воображения.

Жанна (растерянно). Ноэль!.. Ноэль!.. (Ноэль приближается к ней.) Нет, нет, не это... (Стоской.) Ноэль, мой Ноэль...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация. Несколько дней спустя. Пять часов вечера. Ноэль играет в кегли с Андре, который подпрыгивает, издавая радостные возгласы. Внезапно Ноэль прекращает игру и опускается в кресло.

Ноэль. Ну, давай сделаем перерыв.

Андре. Почему, папа? Это так весело...

Ноэль. Унеси все это к себе в комнату.

Розина (за сценой). Вы говорите, мсье дома. Я зайду поздороваться. (Входит, протягивает Ноэлю руку.) Как вы поживаете – с того дня?

Ноэль. Как человек, которому завтра нужно возвращаться.

Розина. Бедный! (Сажает Андре на колени.) Ну что за прелесть этот

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosofff.org
ребенок!.. Так что же – дамы ушли?

Ноэль.Они пошли к богослужению.

Розина.Поминовение убитых 422-го? Бог мой, но я же должна быть там.. Я совсем забыла, что это сегодня! А вы не захотели пойти с ними?

Ноэль.Не так уж это весело – подобная церемония накануне отъезда. Да и потом, мне эти мессы и прежде..

Розина.Да, верно, эти вещи вас никогда особенно не занимали.

Ноэль.Там бывают минуты, когда все это вас волнует. Словно налетит внезапный шквал.

Розина.Да, об этом же мне пишет Робер.

Ноэль.Но он не на фронте; это разные вещи!

Розина.Он мне прислал прелестную маленькую фотографию; полковой священник служит мессу в риге. Робер просил меня отправить этот снимок в журнал «Иллюстрасьон».

Ноэль(насмешливо).Великолепная мысль!(Андре, дующему в дудку.)Приятель, займись этим где-нибудь в другом месте. А то мы не слышим друг друга. Только сперва поцелуй меня.(Берет его на руки и долго обнимает.)

Розина.Славный мальчуган!(Андре убегает.)Вы так и не ответили на мою записочку.

Ноэль.Да.

Розина.Однако она предполагала ответ.. Вы не находите?

Ноэль.Возможно..

Розина.Когда вы зашли ко мне на чашку чая.. мне показалось, и вряд ли я ошибаюсь..

Ноэль.Да, по-моему, я высказался предельно ясно.

Розина.Но все-таки вы же не хотели бы, чтобы я сдалась по первому требованию, не так ли? К тому же, думаю, что с вашей стороны это было скорее для очистки совести, а это меня не устраивает. Вы не станете отрицать, что записочка, которую я вполне могла бы вам и не писать, была весьма сердечной.

Ноэль.Что вам сказать? По сути, у меня нет желания обманывать жену.

Розина.Ну вот, теперь я, по крайней мере, успокоилась.

Ноэль.Как это понимать?

Розина.Дорогой мой, в тот день у вас был такой мрачный вид, что это не могло не наводить на мысль о.. не говоря уже о некоторых, совершенно прозрачных, намеках. Рада видеть, что мир восстановлен.

Ноэль.Вы заблуждаетесь.

Розина.Да?..

Ноэль(потягиваясь).ничего не скажешь, веселая штука – конец увольнения.

Розина.Кому вы это говорите! Когда Робер уезжает, я делаюсь совсем больной.

Ноэль.В вас верности в избытке: хватает и на долю мужа, и – отчасти – на мою.

Розина.То, что вы говорите, не очень-то любезно, но мысль забавна; она – ваша?

Ноэль.Должно быть; не задумывался.. Знать хотя бы, когда все это кончится. Вы, наверное, видите с осведомленными людьми: что они говорят? Судя по всему, русские собирают еще силы.

Розина.Вероятно, с начала года дело примет другой оборот.

Ноэль.Такое всегда можно сказать.

Розина.Мне написал об этом из Парижа один весьма информированный человек. Немцы страшно истощены. Знаете ли вы, сколько немецких дивизий было направлено на Соммский фронт?

Ноэль.Нет.

Розина.То ли восемьсот, то ли две тысячи.

Ноэль(усмехнувшись).Такого быть не может, это ведь по меньшей мере два миллиона человек.

Розина.Значит, я ошиблась.

Ноэль.На один или два нуля, несущественно..

Розина.Я его переспрошу в письме.

Ноэль.Да ну, все это...(Качает головой.)Какие еще потери ждут нас этой зимой?..

Розина.Только не падайте духом. Если б вы читали письма Робера!.. Он пишет мне: «Здесь сильнее, чем когда-либо, веет ветер оптимизма..»

Ноэль.Еще бы, черт возьми! Можете не волноваться, ваш Робер к вам вернется.

Розина.Я надеюсь!.. Но вот у вас – невеселые сборы, и это меня сильно огорчает. Мне так хотелось вас подбодрить.. Этот ваш отпуск не удался; по приезду вы выглядели лучше, чем сейчас.. Нехорошо со стороны вашей жены так мало заботиться о муже. Я ей об этом скажу.

Ноэль.Нет, прошу вас, ни в коем случае.

Розина.Надо же, какой бирюк!

Ноэль.Она и так наслушалась этого.

Розина.Снова вижу образцового супруга.

Ноэль.Я ведь завтра уезжаю, вы знаете.

Входит Антуан. Розина встает и направляется к двери.

Антуан.Ради бога, сударыня, – надеюсь, вы не из-за меня?..

Розина.Я только забежала справиться о мадам Фрамон; я слышала, что она не совсем здорова.

Антуан.У нее всего лишь сильный насморк; она уже выходит на улицу.

Розина.Да, мне ваш брат так и сказал... Так я убегаю, до свидания, сударь.

Ноэль идет ее проводить и тотчас возвращается.

Антуан.Удивительно, до чего эта молодая особа меня раздражает. И вообще я не вижу, зачем...

Ноэль.Она еще не заходила к нам с тех пор, как я приехал.

Антуан.Да, но мы с Жанной видели ее в день твоего приезда, и в этом было мало приятного.

Ноэль.Жанна расспрашивала тебя о ней?.. ну... о ней и обо мне? да?

Антуан.Насколько я помню, не очень.

Ноэль.Гм!(Молчание.)

Антуан.Ведь с этим покончено... или почти покончено?

Ноэль.Да...

Антуан.А точнее?

Ноэль.Да, да; чего тебе еще... И потом, истории такого рода всегда разочаровывают.

Антуан.Ну, а вы с Жанной... мне показалось...

Ноэль.Здесь, на месте, приходишь к грустным выводам.

Антуан.Например?

Ноэль.Да ко всяким. Во-первых, согласись, мама и Моника не всегда делают ее жизнь приятной.

Антуан.Ты хочешь сказать – жизнь Жанны?

Ноэль.Да.

Антуан.У мамы с Моникой – готовые категоричные суждения обо всем на свете.

Ноэль.Ну, это давно известно.

Антуан.В этом случае какие-то стычки неизбежны.

Ноэль(с иронией).И ты делаешь все возможное, чтобы их смягчить.

Антуан.Я редко при этом бываю. Но, надо признаться, Жанна не всегда дипломатична.

Ноэль(с горечью).Да, это не самая сильная ее черта. Впрочем, и я... какой я дипломат!

Антуан.Не стоит преувеличивать серьезность всего этого.

Ноэль.Я ничего не преувеличиваю. Но только...

Антуан.Что?

Ноэль.Ничего.

Антуан.Не думай об этом.

Ноэль.Легко сказать.

Антуан.Когда женщины собираются вместе...

Ноэль.Конечно – и все же... К счастью, тут есть мужчина.(Молчание.)

Горничная(входит с Пьеро. К Ноэлю).Не знает ли сударь, когда вернутся дамы?

Ноэль.Нет, не могу сказать точно.

Горничная.Я в большом затруднении, так как мадам велела мне выкупать Пьеро – Жюли ведь нет сегодня, – но забыла вынуть купальный халат, а я не знаю, куда мадам их кладет. А если подождать – уже будет время обеда, дети ведь обедают в половине седьмого...

Ноэль.Но вы же понимаете, что я не знаю, где лежат купальные халаты.

Горничная.Не будь я новым человеком в доме...

Антуан.Постойте, мне кажется, я знаю, я пойду с вами. Идем, малыш.

Уходит с Пьеро и с горничной. Ноэль остается один; видно, что он не находит себе места. Возвращается Антуан.

Антуан.Это было нехитрым делом.

Ноэль.Но надо знать, где что лежит... Я никогда не знал таких вещей.

Антуан.Да брось!

Ноэль.Уверяю тебя... Жаль, однако, что у тебя нет ребятишек, собственных. Я понимаю, что эти – почти как твои. Но все-таки... это не совсем то же

Марсель Габриэль Завтрашня жертва filosoff.org
самое. Все, что меня выводит из себя, тебе кажется восхитительным. Заставлять их показывать язык, водить на прогулку, рассказывать им всякие истории, и еще бог знает что. (Сдавленным, почти срывающимся голосом.) Правда, мне кажется, теперь бы меня это уже так не раздражало.

Антуан. Ноэль!

Ноэль. Поверь, это все же не так легко проглотить. Но, в конце концов, довольно заниматься мной. Сейчас речь о тебе. (Решительно.) Дружище, тебе надо жениться на малышке Гребо. Тут не может быть сомнений, ни с какой точки зрения; в общем, это удача, такой партией не пренебрегают... О, я не говорю, что ей не повезло, – и все же...

Антуан. Но здесь есть масса вещей, которые следует принять во внимание, поверь мне.

Ноэль. Что именно? Ты имеешь в виду Жироманьи? Ну, так в Жироманьи отличный климат, он тебя поставит на ноги! Ты еще не в том возрасте, когда человек боится перемены мест.

Антуан. Нет, конечно.

Ноэль. Мама страстно жаждет этого, она мне за эти дни все уши прожужжала. О Монике я не говорю – она все повторяет вслед за мамой.

Антуан. И тем не менее я не решился бы оставить их совсем одних; ты себе не представляешь, до чего они склонны терять голову из-за ерунды. Для меня это в какой-то мере – проблема совести...

Ноэль. Сильно преувеличенная. К тому же, если они не переносят одиночества, пусть переселяются в Жироманьи.

Антуан. Но нужно поставить себя и на место молодой девушки: я не уверен, что ей хотелось бы...

Ноэль. Предоставь ей решать; увидим, колеблется ли она.

Антуан. И потом, в мамином возрасте...

Ноэль. Но повторяю тебе; мама будет безутешна, если дело не выгорит.

Антуан. Ну и выражения у тебя!

Ноэль. Я употребляю те, что приходят на ум, и не собираюсь утруждать мозги в поисках выражений, которые удовлетворили бы твою деликатность. Нет, это все – не причины. А что касается Жанны и детей...

Антуан. Что?

Ноэль. Я говорю: что касается Жанны и детей, то если мама и Моника будут в Жироманьи с вами... наконец, в любом случае... после войны...

Антуан (стараясь придать тону как можно большую естественность). Но, Ноэль, ты же будешь здесь в это время!

Ноэль. Я? Очень возможно, что я буду гнить в какой-нибудь воронке от снаряда...

Антуан. Ноэль! Ты вернешься!

Ноэль (бесцветным голосом). Не стоит слишком рассчитывать на это. И потом, ты сам... то, как ты обращаешься с Жанной... о, успокойся, у меня нет подозрений, я не круглый идиот... Вчера мне это впервые бросилось в глаза. Надо же – обратить внимание на эти вещи только в конце отпуска! Но ведь по приезде – другие заботы. А когда уже катишься по наклонной...

Антуан (с тревогой). Но, бог мой, что ты имеешь в виду?

Ноэль. Ты меня очень хорошо понимаешь... Во всем – что-то предупредительное, доверительное. Никакой влюбленности – повторяю, я меньше всего подразумеваю это... может быть даже, мне в этом случае было бы не так тяжело; словом, не знаю... Нет, серьезный друг; тот, кто приготовился утешать. А с малышами... и еще хуже. Вспомни – хотя бы сейчас, когда пришла эта девушка: купальный халат... (Не может продолжать.)

Антуан (упавшим голосом). Но как я должен был поступить?

Ноэль. Очевидно же, что на таком пути... рано или поздно это случится. Я не знаю, думаете ли вы об этом. Должно быть, да. Возможно даже, вы об этом говорите.

Антуан. Ноэль, клянусь тебе...

Ноэль. Для меня это ничего не меняет. Но только... надо бы тебе жениться на крошке Гребо. Пойду, взгляну на малыша в ванной. (Уходит.)

Антуан сидит, обхватив голову руками. Входит Жанна.

Жанна. Вы один? Что случилось? Вы больны?

Антуан. Нет. (Внезапно.) Жанна, вы знаете, что мы его убили?

Жанна. Кого?

Антуан. Он пришел к нам живой; он выйдет отсюда... мертвым.

Жанна (потрясенная). Но, Антуан, ради бога...

Антуан. Видите ли, минуты, которые я только что провел с ним... (С трудом приходит в себя.) Послушайте. Оставим в стороне скромность – ведь речь идет об агонизирующем... Вы продолжали отказывать ему?

Жанна. В последние дни он больше не настаивал.

Антуан.О, Жанна!

Жанна.И потом, сам способ недостойного торга... Вы не знаете – он грозился возобновить связь с Розинкой!.. Могла ли я поддаться этому безобразному шантажу?

Антуан(сухо).Для него это вопрос самолюбия.

Жанна.Достоинства, Антуан, элементарного человеческого достоинства.

Антуан.И вы думаете, что он осуществил свою угрозу?

Жанна.Я ничего не знаю... это жестоко.

Антуан.Странно – но вы не вызываете во мне сострадания.

Жанна.Антуан, вы отлично знаете, что, не пусти он в ход эту чудовищную угрозу, я недолго бы еще сопротивлялась. Я бы бросилась в его объятия. Все зависело только от него. Вымолви он хоть слово раскаяния...

Антуан.Вы обошлись с ним как с ребенком, которого отказываются поцеловать, потому что он не попросил прощения. С ним – оскорбленным, грубо отвергнутым...

Жанна.Если бы он был бережнее со мной в первые дни...

Антуан.Как мелко то, что вы говорите! Как это убого, ничтожно... Вас надо было беречь. Но – во имя неба – почему?

Жанна.Нет женщины, которая не поняла бы меня.

Антуан.Тем хуже для женщин... Несчастный, он вторгся в ваш надуманный мир со своим страданием, усталостью, желанием – я готов выкрикнуть это слово! – он разрушил вашу прекрасную целомудренную мечту! Невозможно содрогнуться; я возненавидел бы вас, если б не был так же виновен, как и вы.

Жанна.Вы!..

Антуан.Да, я. Так же виновен, еще больше... О, как мне стыдно жить! Жить – это что-то, за что надо вымалывать себе прощение, когда они – там...

Жанна.Я не понимаю. Вам совершенно не в чем упрекнуть себя. Вы никогда не вставали между нами...

Антуан.Но пытаться вас сблизить уже значило встать между вами. Я и на это не имел права.

Жанна.Антуан, это безумие...

Антуан.А дети... он не ошибся... они были уже немного моими... Я должен уехать!(Вошедшему Ноэлю, который направляется к нему.)Оставь...(Уходит.)

Жанна(делает над собой огромное усилие).Ноэль, прости меня.

Ноэль.В чем дело?

Жанна.Прости... Ты видишь, я ни о чем тебя не спрашиваю. Что бы ни произошло с того дня, я прошу у тебя прощения. Это я виновата во всем: я должна была понять, согласиться... Я была черствой, неблагодарной, я ненавижу себя.

Ноэль.Остановись, довольно. Лучше скажи: это Антуан посоветовал тебе сменить тактику?

Жанна.Ноэль!

Ноэль.Если тебя коробит выражение, замени его любым, на собственный вкус... Впрочем, можешь не отвечать на мой вопрос. И так все ясно.

Жанна.Но умоляю тебя, не сомневайся в моей искренности!

Ноэль.О, я не говорю, что ты ломаешь комедию. Но дирижирует все же Антуан.

Жанна(с жаром).Антуан здесь ни при чем!

Ноэль.Ах!..

Жанна.Но каких ты еще хочешь слов? Мое поведение было мерзким... непростительным...

Ноэль.Скажем: невысказанным. Нужны еще синонимы?

Жанна.Ты мне не веришь!

Ноэль.Да нет, верю... И потом, я ведь завтра уезжаю, не правда ли? Так что это, что называется, «мысли на подножке» – в момент, когда мы кого-то заталкиваем в... в... вагон.

Жанна.О!

Ноэль.Я ведь не сказал – в гроб, я сказал: в вагон. Тогда нас одолевает раскаяние. Но только – чуточку запоздалое.

Жанна(еле слышно).Это не раскаяние... это не только раскаяние, это безумное сожаление! Ноэль, я тоже...

Ноэль(глядя на нее, скептически).Гм! Любопытно.

Жанна.Ноэль, ты увидишь...

Ноэль.Нет... Ты и этими чувствами поделилась с Антуаном? Он одобрил твоё намерение открыть мне их?

Жанна.Для меня нестерпима мысль, что ты уедешь... так вот, и я не буду твоей...(Не в силах сдержать рыдания.)Быть может, в последний раз!..

Ноэль.Именно; ты так в этом убеждена. Нет, все же здесь уж слишком уверовали в мою смерть... Если тебе это нужно, чтобы пробудить... впоследствии свои воспоминания, то, ты уж не обессуди, но я предпочитаю, чтобы все оставалось как есть.

Марсель Габриэль Завтраняя жертва filosoff.org

Жанна.Только ради меня, Ноэль, только ради меня...

Ноэль.Не настаивай. Я не хочу быть несправедливым, но в конце концов мне все это может показаться... довольно отталкивающим.

Жанна(в отчаянии).О!..(Страстно.)Послушай, Ноэль: то, что ты мне сказал в самый первый день – когда я не хотела...(Шепчет ему на ухо.)

Ноэль(с глубокой грустью).Ну, это было бы уже венцом всего. Он стал бы говорить «папа» Антуану!..

Занавес

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!